

ОПЫТ СОВЕТСКОЙ ПЕДАГОГИКИ В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОСТИ

EXPERIENCE OF SOVIET PEDAGOGY IN THE CONTEXT OF MODERNITY

Сибирь гуманитарная. 2023. № 3. С. 12—23.
Siberia Humanitarian. 2023;(3):12—23.

Опыт советской педагогики в контексте современности

Научная статья
УДК 304.344, 37.013.73.
DOI: 10.32324/2949-1568-2023-3-12-23

Макаренко и свобода (памяти макаренковедов Гётца Хиллига и Николая Егоровича Воробьева)

Анна Юрьевна Шачина

Независимый исследователь, Мурманск, Российская Федерация, anna_shachina@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена обоснованию педагогической деятельности А. С. Макаренко с позиции современного понятия свободы личности. Она написана на основе диалектической методологии, примером которой является исследование одного из лидеров Франкфуртской школы А. Хоннета о сущности свободы в трех ее неразрывно связанных компонентах: негативной, рефлексивной и социальной свободе. При этом социальную свободу необходимо рассматривать в качестве условия осуществления первых двух. Доказывается, что данная концепция свободы может быть положена в основу теоретического осмысления педагогической деятельности А. С. Макаренко. Опыт последней, в свою очередь, также представляет интерес для осмысления феномена свободы. Доказывается актуальность наследия А. С. Макаренко для развития концепции демократического воспитания.

Ключевые слова: свобода, личность, коллектив, нравственное воспитание, эстетическое воспитание, дисциплина, педагогика, диалектическая наука, критическое мышление

Благодарности: Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и РЯИК в рамках научного проекта № 20-511-23002 «Миграция идей и формирование национальных философских традиций: диалоги поверх границ».

Для цитирования: Шачина А. Ю. Макаренко и свобода (памяти макаренковедов Гётца Хиллига и Николая Егоровича Воробьева) // Сибирь гуманитарная. 2023. № 3. С. 12—23. DOI: 10.32324/2949-1568-2023-3-12-23.

Makarenko and freedom (in memory of Makarenkovologists Goetz Hillig and Nikolai Egorovich Vorobyov)

Anna Yu. Shachina

Independent Researcher, Murmansk, Russian Federation, anna_shachina@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the substantiation of A.S. Makarenko's pedagogical activity from the position of the modern concept of individual freedom. It is written on the basis of dialectical methodology, whose example is the research of one of the Frankfurt School leaders, A. Honneth, who studied the essence of freedom in its three inseparable components: negative, reflexive, and social freedom. At the same time, social freedom should be considered as a condition for the realization of the first two. It is proved that this concept of freedom can be used as a basis for theoretical understanding of A.S. Makarenko's pedagogical activity. The experience of the latter, in its turn, is also of interest for conceptualizing the phenomenon of freedom. The relevance of A.S. Makarenko's heritage for the development of the concept of democratic education is proved.

Keywords: freedom, personality, collectivity, moral education, aesthetic education, discipline, pedagogy, dialectical science, critical thinking. freedom, personality, team, moral education, aesthetic education, discipline, pedagogy, dialectical science, critical thinking

Acknowledgments: The reported study was funded by RFBR and FRLC, project number 20-511-23002 «The migration of ideas and the formation of national philosophical traditions: dialogues across the borders».

For citation: Shachina A.Yu. Makarenko and freedom (in memory of Makarenkovologists Goetz Hillig and Nikolai Egorovich Vorobyov). *Siberia Humanitarian*. 2023;(3):12—23. (In Russ.). DOI: 10.32324/2949-1568-2023-3-12-23.

Введение

Стимулом развития педагогической науки конца прошлого столетия был оптимизм, надежда на будущее: век грядущий казался долгожданной эпохой, торжеством человеческого разума, царством свободного творческого развития человека («царством целей», словами И. Канта). Энтузиасты ученые-педагоги проявили много упорства в поиске истины, в поиске обоснования принципов образования, направленного на самореализацию личности. Они обращались к мыслителям и практикам недавнего советского прошлого, развивался компаративистский подход, который сделал возможным сопоставление анализа теории и практики советских педагогов, сделанного не только в России, но и за рубежом. Особенный интерес в отошедшем от идей социализма обществе представляла проблема воспитания личности в коллективе: нужен ли детский коллектив, не являются ли попытки объединения детей (и взрослых) в коллективы насильем над личностью с ее индивидуальными особенностями и талантами и не правильнее ли воспитывать индивидуалиста, если цель — воспитание свободной, высоконравственной и ответственной личности.

О рецепции идей А. С. Макаренко

Наглядным примером воспитания личности в коллективе и средствами коллектива является педагогический опыт Антона Семеновича Макаренко, его деятельность в трудовой колонии им. А. М. Горького под Полтавой и в трудовой колонии им. Ф. Э. Дзержинского под Харьковом в послереволюционной Советской Украине. Хорошо известно, что изначально это были колонии для малолетних преступников, «морально дефективных» подростков и юношей, которых тогда немало скиталось по стране и из ко-

торых надо было выковать нового советского человека. Советская педагогическая наука канонизировала творчество этого великого человека¹, естественно, подвергнув жесткой цензуре, сокращению и редактированию все его произведения.

Вопрос воспитания в коллективе вызвал интерес не только в России, но и в других странах, получая разную оценку. Так, в послевоенной Западной Германии Теодор Адорно, исходя из своего педагогического кредо — «Чтобы не повторился Освенцим!», предостерегал от объединения в коллективы, видя в них потенциальную опасность для зарождающегося демократического общества, пример «воспитания к несовершеннолетию» в контексте кантовской философии, т. е. к неумению пользоваться собственным разумом и, следовательно, к несвободе. Заслуга таких ученых, как Гётц Хиллиг (основатель института макаренковедения в Марбурге (ФРГ)) и Светлана Сергеевна Невская (представитель научно-исследовательского коллектива по изучению творческого наследия А. С. Макаренко в Москве), состоит в доказательстве того, что коллектив Макаренко был средством воспитания именно свободных личностей.

Здесь также необходимо отметить, что изучением творчества Макаренко занимались многие ученые, в том числе под руководством Николая Егоровича Воробьева (например, в ФРГ). Но заслуга названных здесь ученых в том, что именно они скрупулезно исследовали архивы, сопоставляли полученные данные, разыскивали родственников и воспитанников педагога-писателя. В результате в нашем распоряжении теперь имеются и полная версия «Педагогической поэмы», и более полное представление об этой выдающейся личности. Н. Е. Воробьев признавал, что лучше Гётца Хиллига Макаренко не знает никто даже в России.

Еще в 1967 г. вышел сборник докладов по компаративистской педагогике «Макаренко в Германии» (составитель Гётц Хиллиг), где можно прочитать: «„Педагогическая поэма“ предлагает целый ряд примеров такой организации воспитания, которая... выполняет свой собственный имманентный смысл: молодого человека поднять из состояния нужды в состояние свободы» [1, с. 189]. А в 1993 г. Н. Е. Воробьев и С. А. Дьяченко справедливо отмечали, что воспитание личности с присущей ей способностью к критическому и диалектическому, преодолевающим стереотипы творческому мышлению, направленному на созидание лучшего будущего, — стратегическая цель педагогической деятельности Макаренко [2, с. 32].

Методология

Сегодня, с одной стороны, снова возрос интерес к творчеству Макаренко, к воспитанию в коллективе, но, с другой стороны, интерес этот зачастую поверхностный, направленный на поиск секрета скорейшего достижения результата или прибыли, самоокупаемости университетов, на развитие способностей к предпринимательской деятельности, экономической грамотности. При этом не учитывается тот факт, что, как писал Э. Фромм, не всякие активность и эффективность есть показатель продуктивности личности, если под продуктивностью понимать реализацию человеком свойственного ему потенциала, использование его сил [3, с. 118].

Рассматривая педагогический опыт Макаренко с учетом сегодняшнего толкования понятия свободы, которое тоже часто требует осмысления, мы смеем утверждать, что именно воспитанники Макаренко были теми счастливыми, которым были созданы полноценные условия для реализации их личностного потенциала, которые наслаждались полной свободой, если говорить о трех неразрывно взаимосвязанных компонентах свободы, которые

¹ «Человечище» — так называл его А. М. Горький, который высоко ценил талант Макаренко, поддерживал его с начала их заочного знакомства и до конца своей жизни. Теперь известно, что без моральной и материальной поддержки Горького не было бы второй и третьей частей «Педагогической поэмы».

ввел в понятийный аппарат один из современных лидеров Франкфуртской школы¹ Аксель Хоннет.

Хоннет на основании достижений выдающихся представителей философской мысли образно объясняет понятие «свобода» как треугольник свободы. Соответственно, свобода состоит из трех составляющих (три угла треугольника): негативной свободы в современном понимании — неподконтрольные сферы деятельности (Т. Гоббс); рефлексивной свободы (Ж.-Ж. Руссо, И. Кант, И. Г. Гердер, мы бы добавили в этот ряд имя Ф. Шиллера); социальной свободы (Г. В. Ф. Гегель, К. Маркс). Хоннет доказал, что отсутствие одного из элементов этого треугольника ведет даже не к несправедливости в общественной жизни, а к патологиям личности и общества. Сегодня много говорят о том, что свобода не должна быть только негативной, т. е. «свободой от», большее внимание уделяют развитию «свободы для», т. е. нравственности, забывая, что гарантом реализации первых двух является свобода социальная. Так, согласно Хоннету, социализм — не уравниловка и не распределение благ, а обеспечение социальной свободы, так как по-настоящему свободен человек только тогда, когда он общается с друзьями, в семье, участвует на рынке труда и в качестве гражданина в общественной жизни [5].

Сможет ли ребенок стать человеком в полном смысле этого слова, т. е. обрести личностную свободу, во многом зависит от организации его детства, от педагогов, их грамотного отношения к окружающей действительности, понимания ими того, к чему, собственно говоря, нужно стремиться. К этому есть единственный путь — образование, способное к саморефлексии, отвращающееся от феноменов полуобразования, полукультурности, полунравственности.

Личность А. С. Макаренко: становление как ученого и педагога

Многое о личности Антона Семеновича Макаренко мы узнаем из воспоминаний его младшего брата Виталия Семеновича², которого в 1970 г. отыскал во Франции, где он жил с 1925 г., Гётц Хиллиг. Результатом их знакомства и сотрудничества стала книга Виталия Семеновича «Мой брат Антон Семенович». По словам брата, Антон Семенович был очень любознателен,

¹ Критическая теория (Франкфуртской школы) была сформулирована Максом Хоркхаймером (1895—1973) и сотрудниками Института социальных исследований во Франкфурте-на-Майне Теодором Адорно, Эрихом Фроммом, Гербертом Маркузе и др. во время эмиграции в Америке. Они ставили перед собой цель актуализировать марксистскую теорию и привести ее в соответствие общественному развитию и политическому опыту своего времени. Критическая теория (современные лидеры — Юрген Хабермас, Аксель Хоннет, Райнер Форст) понимает свое отношение к практике в трех аспектах:

1. Она учитывает исторически обусловленные классовые интересы и выявляет из особенного всеобщий интерес создания разумного состояния общества.

2. Она анализирует «динамические структуры» (М. Хоркхаймер), т. е. изменчивые тенденции эпохи, в их соотношении с идеалами разума.

3. Она видит свою необходимость в просвещении общества ради организованного политического действия.

Критическая теория, в том числе критическая педагогика, видит свою конечную цель в изменении структуры самого бытия [4].

² «Виталий Семенович Макаренко (род. в 1895 г.) был сначала учеником своего брата, а потом стал его сотрудником, когда оба они с 1917 г. по 1919 г. преподавали в Крюковском железнодорожном училище. В. С. Макаренко — выпускник военного училища и демобилизованный офицер царской армии — ввел здесь, сначала против воли своего явно антимилитаристски настроенного брата, воензированные элементы в преподавание физкультуры и во внешкольные занятия — такие, как строевая подготовка и маршировка со знаменем под звуки духового оркестра.

Оба брата Макаренко занимались в Крюкове театральной деятельностью: по инициативе Виталия Семеновича, получившего актерский опыт еще во время учебы в реальном училище, они организовали самодеятельную театральную группу (драматический кружок им. В. Г. Короленко), которая вскоре уже выступала перед публикой с постановками известных пьес.

Эти начинания явились предпосылками для частичной военизации быта, а тем самым и дисциплинирования. Позже использовались для «театрализации», как это практиковалось А. С. Макаренко в колонии им. Горького. То, что В. С. Макаренко во время мировой войны (1915—1917 гг.) был офицером царской армии, вероятно, заставило его присоединиться к «белым» летом 1919 года, а в 1920 году покинуть родину» [цит. по: 6, с. 186].

наблюдателен и начитан. Если руководствоваться списком источников, которые, по свидетельству брата, изучил юный Макаренко, то закрадывается подозрение, что он должен был обладать фотографической памятью, т. е. уникальной способностью запоминать изображения, звуки, информацию до мельчайших деталей. Известно, что эта способность врожденная, но, по утверждениям современных ученых-психиатров, синапсы мозга развиваются и крепнут, если много и правильно заниматься с детьми с самого юного возраста. А из воспоминаний Виталия Семеновича мы узнаем, что его старшего брата отец¹ научил читать, когда тому было пять лет, и читал с ним много. В доме царила хорошая педагогическая атмосфера: так будущему педагогу-писателю повезло развить «центростремительные силы личности» (терминология С. И. Гессена).

Материальное, мозг, тем лучше развивается, чем лучше условия для развития теоретически недоказуемой личностной свободы. Известно, что еще Ж.-Ж. Руссо считал чтение опасным занятием для людей, не умеющих думать, не умеющих наблюдать. Но это было не про Антона Семеновича. По воспоминаниям брата, он в юности читал и осмыслил русских и зарубежных классиков литературы, философов, такие сложные произведения, как «Критика чистого разума» И. Канта, любил Ницше и Шопенгауэра, увлекался историей, перечитал всю имеющуюся на русском языке литературу по психологии, считал, что за психологией будущее, но эту науку надо писать заново [7]. В «Педагогической поэме» он также упоминает имя неокантианца Пауля Наторпа [7]. Антон Семенович читал также запрещенную эсеровскую литературу (в 1906—1907 гг. примерно в течение года был кандидатом в члены партии социалистов-революционеров (эсеров) — факт, который он скрыл от семьи и открыл брату лишь в 1913 г.). Его собственное признание: «По политическим убеждениям — беспартийный. Считаю социализм возможным в самых прекрасных формах человеческого общежития, но полагаю, что пока под социологию не подведен крепкий фундамент научной психологии, в особенности психологии коллективной, научная разработка социалистических форм невозможна, а без научного обоснования невозможен совершенный социализм» [цит. по: 6, с. 146]. Его колонии были островками с практикой подлинного социалистического демократического государства.

Ключевые идеи педагогической теории и практики А. С. Макаренко

Антон Семенович Макаренко начал свою педагогическую деятельность в 17 лет. Обстоятельства заставляли его всегда находиться в творческом поиске, так как начало его педагогической деятельности пришлось на годы революционных и общественных перемен. В отдельных регионах страны еще продолжалась Гражданская война, свирепствовали репрессии, направленные против духовенства, офицеров и других неугодных новой власти, и это сказывалось на судьбах детей затронутых этими государственными мерами лиц. Эпидемии и голод 1921—1922 гг. усугубляли положение. На территориях советских республик тогда скитались около одного млн беспризорных детей. Государство стало принимать меры по борьбе с беспризорностью, и в стране появлялись коммуны, детские дома, колонии для беспризорных.

¹ «Отец А. С. Макаренко, который, вопреки поздним высказываниям педагога, не был неграмотным, поначалу служил простым рабочим, потом стал бригадиром и, наконец, мастером и руководителем малярного отдела в одной из новых больших мастерских по ремонту железнодорожных вагонов Южных дорог (в Крюковом поселе на Днепре, являющемся частью города Кременчуга). По поручению администрации этой компании он побывал в 1912 году в Германии в составе делегации специалистов для закупки стали и красок. За заслуги перед народом и отечеством он был отмечен почетным в Российской империи званием — личным почетным гражданством» [6, с. 140—141].

В декабре 1920 г. А. С. Макаренко становится заведующим Полтавской колонией («завколом»), в которой жили десять воспитанников в возрасте 15—18 лет, при этом большинство из них обвинялись в вооруженных разбойных нападениях [8, с. 78]. Первые колонисты отрицали «не только нашу педагогику, но всю человеческую культуру» [7]. Поэтому в минуту отчаяния завкол отрицает пользу всей до той поры существовавшей педагогической литературы, что, без сомнения, не стало его убеждением, так как когда-то прочитанное и осмысленное, как и, конечно, опыт, повлияли на формирование его педагогических принципов, а в этом, собственно говоря, и заключается основная задача изучения такого рода литературы. Макаренко и не ожидал от педагогической науки рецепты на все случаи жизни. По этому поводу уже в зрелом возрасте он напишет, что «нет более диалектической науки, чем педагогика» [6]. В его же педагогике по сей день ищут рецепты.

Особенно запутывают в этом отношении его заявления о технике воспитательного процесса: «Нет педагогической техники... Остановка только за техникой» [7]. Но тут же он пишет, сетуя на то, что ему, возможно, не удалось в достаточной мере отобразить этот принцип, которым он руководствовался всегда: «...педагогика — вещь прежде всего диалектическая. Не может быть установлено никаких абсолютно правильных мер или систем. Всякое догматическое положение, не исходящее из обстоятельств, из требований данной минуты и данного этапа, всегда будет порочным» [7]. Так, в своем письме-ходатайстве от 4 мая 1924 г. в Главсоцвос Народного комиссариата просвещения (НКП) Украинской ССР с просьбой разрешить выдачу воспитанникам карманных денег Макаренко пишет: «Мне кажется, что всякое средство может быть полезно или вредно исключительно в зависимости от того, каким образом оно применяется и в каком отношении стоит к другим средствам учреждения» [9, с. 158].

Вероятно, своей техникой Макаренко считал отказ от индивидуального подхода, «возни» с каждой отдельной личностью. Он подразумевал, что подлинное воспитание личности совершается именно в коллективе. Но при этом он имел в виду такое воспитание, при котором личность не попирается, а напротив, обогащается; не теряет свою индивидуальность, а обретает свою личностную свободу. И читатель его произведений понимает, как хорошо он знал и понимал своих воспитанников, как верил в каждого, умел найти к каждому, если надо, и индивидуальный подход. Гётц Хиллиг поясняет: «У Макаренко речь идет о личности, о внимании к ее индивидуальным особенностям, способностям и склонностям — правда, о личности как общественном существе, реализующим себя через связь с обществом, и, в соответствии с этим, о его воспитании как „коллективиста“» [8, с. 81]. В немецкой энциклопедии «Главные произведения педагогики», описывая «Педагогическую поэму» Макаренко, Урсула Штенгер пишет: «„Метод“ Макаренко заключается в ожидании и терпении в отношении восходящих к своим наивысшим пунктам процессов развития, которые затем через неожиданный и непредвиденный поворот возводят на новый уровень взаимодействия» [10, с. 277].

Макаренко также нашел ключ к детскому уважению и любви: «То, что мы называем высокой квалификацией, уверенное и четкое знание, умение, искусство, золотые руки, немногословие и полное отсутствие фразы, постоянная готовность к работе — вот что увлекает ребят в наибольшей степени... Педагог должен знать свой предмет по-настоящему хорошо...» [7]. Соответственно этому требованию к педагогам он всегда подбирал свой педагогический коллектив: те, кто работал с ним, работали по доброй воле с полной самоотдачей, были в полном смысле слова колонистами, и дети это чувствовали, ценили, и старались не огорчить, не подвести (если кто-то из педагогов после года в колонии не получал значка колониста, он знал,

что это — увольнение) [7]. И это отмечало даже его непосредственное начальство. Так, приведем строки из доклада харьковского областного инспектора Главсоцвоса НКП УССР по обследованию учреждений для дефективных детей в Полтаве (ок. 25 сентября 1922 г.): «Педагоги — люди, не имеющие специальной подготовки и значительного специального стажа, но в большинстве — люди интеллигентные, преданные делу, действительно участники в жизни и в работах детей. В особенности считаю необходимым отметить работу завдома т. Макаренко, [за]кончившего учит. Институт, оч[ень] энергичного, живого человека, умелого педагога и хозяина» [9, с. 66].

Негативная свобода, по утверждению И. Канта, кроме неподконтрольных сфер деятельности, подразумевает способность человека начинать с нуля цепочки причинно-следственных связей. Именно это содержание негативной свободы ставит под вопрос непогрешимость эмпирических наук о человеке, эмпирической психологии, которые отрицают свободу и вместе с тем ответственность человека. А. С. Макаренко, очевидно, знал и это, ведь он в юности изучал «Критику чистого разума» И. Канта. Так, педагог порывает с прошлым колонистов и позволяет им начать новый отсчет в их жизни, не идет на поводу собственного интереса заглянуть в их прошлое. Все-таки он осознает себя существом не только рациональным, но и эмоциональным и благодарен первым колонистам за то, что они так умело заметали следы и не подорвали тем самым его веры в человека [7]. Придирчивый читатель может задаться вопросом, насколько легитимным и благородным было со стороны колонистов такое замечание своих проступков (речь, надо понимать, шла о воровстве). Уже здесь просматривается диалектический подход ко лжи. Здесь оказывается, что категорический императив Канта, запрещающий всякую ложь, при внимательном рассмотрении запрещает честное признание, если руководствоваться максимой, которая может быть сформулирована примерно следующим образом: нельзя без особой необходимости быть честным, если это может огорчить близкого человека и подорвать его веру в тебя. Макаренко и не думал «оскорблять колониста грязным подозрением» [7], знал, что они всегда были голодны, не раздувал историй «по таким пустяковым поводам, как кража на базаре бублика или пары подметок» [7].

Теперь психология доказала, насколько он был прав: подчеркиваем в ребенке слабые стороны — растут слабые стороны, и наоборот. Макаренко писал: «Поведение есть очень сложный результат не одного сознания, но и знания, силы, привычки, ухватки, приспособленности, смелости, здоровья и, самое главное, — социального опыта» [7]. Безграничная вера в человека, высокие требования к нему, метод перспектив, создание ситуации успеха, просто человеческое (неформальное отношение) — все это, бесспорно, помогло колонистам начать жизнь с чистого листа, что, конечно, каждый может сделать только сам (как мы видим из «Педагогической поэмы», не всем это удавалось). Макаренко никого насильно не держал в колонии, но условием жизни в колонии — как для воспитанников, так и для воспитателей — была готовность жить жизнью трудового коллектива. При этом свобода проявления индивидуальности, очевидно, была одной из базовых ценностей Макаренко, и об этом он пишет так: «Ребенок — это живой человек. Это — вовсе не орнамент нашей жизни, это — отдельная полнокровная и богатая жизнь» [11].

Индивидуальная негативная свобода неразрывным образом связана с рефлексивной (нравственной) свободой, иначе это была бы не свобода, а произвол или зависимость (от склонностей и страстей). Макаренко не сторонник чтения моралей, он — создатель культурной среды развития личности ребенка в трудовом коллективе.

К сожалению, ему пришлось много претерпеть от светил педагогической науки соцвеса Украины. Так, однажды инспектор, осмотрев работу колонистов, спросил: «А вам объясняли, как надо поступать?» Через неделю пришло заключение: «Воспитанники работают хорошо и интересуются колонией. К сожалению, администрация колонии, уделяя много внимания хозяйству, педагогической работой не занимается» [7]. На самом деле для Макаренко приоритетной была педагогика, а не хозяйство: «Для того, чтобы сохранить чистоту педагогического подхода, нужно крупное хозяйство рассматривать исключительно как условие воспитания, а хозяйственный успех — как воспитывающий импульс» [цит. по: 8, с. 81].

К проблеме нравственного воспитания в системе А. С. Макаренко

На самом деле Макаренко предъявлял к советскому человеку высокие нравственные требования. В «Книге для родителей» он сравнивает дореволюционную и советскую мораль: «...моральная высота была уделом редких подвижников, число которых измерялось единицами, а поэтому снисходительное отношение к нравственному совершенству давно сделалось нормой общественной морали. <...> ...Измерителем нравственности была не нравственная высота, а обыкновенный житейский грех. <...> Грешить в меру — это и было нормой. <...> В социалистическом обществе нравственное требование предъявляется всем людям и всеми людьми должно выполняться. <...> Наша нравственность вырастает из фактической солидарности трудящихся» [11, с. 353—354].

Но нравственное воспитание для А. С. Макаренко не есть морализирование. В ту эпоху были хорошо известны другие пути достижения поставленной цели. Во-первых, дисциплина. Макаренко по совету своего брата вносит в жизнь колонии элемент военной игры, что нравится ребятам и способствует подтянутости, чистоте и порядку. Во-вторых, трудовая дисциплина. В-третьих, нравственности способствовала социализация ребят, их трудовая деятельность и самоуправление в детском коллективе. И наконец, — эстетическое воспитание.

О значении прекрасного для нравственности мы делаем вывод, руководствуясь философскими идеями Ф. Шиллера: «...только через красоту ведет путь к свободе» [12, с. 291]. Неизвестно, читал ли Макаренко Шиллера (скорее да, чем нет), но он был убежден, что нельзя пренебрегать эстетическими сторонами жизни: «Эстетика костюма, комнаты, лестницы, станка имеет несколько не меньшее значение, чем эстетика поведения... Приходя к эстетике как к результату стиля, мы эту эстетику потом начинаем рассматривать и как фактор, сам по себе воспитывающий» [13, с. 229—230]. Другое доказательство его любви к красоте — в его строках: «Коллектив надо украшать и внешним образом. Поэтому я даже тогда, когда коллектив наш был очень беден, первым долгом всегда строил оранжерею... И обязательно розы... хризантемы, розы» [13, с. 232].

Ф. Шиллер писал о человеке, свободно играющем красотой: «...человек играет только тогда, когда он в полном значении слова человек, и он бывает вполне человеком лишь тогда, когда играет» [12, с. 335]. И колонисты играли театральные пьесы. Антон Семенович умел выполнять работу режиссера. Как и военной игрой, он обязан этим увлечением своему младшему брату Виталию Семеновичу, с которым они вместе организовывали театр, работая в школе, и автор статьи смеет высказать предположение, что в театр они, должно быть, играли детьми дома. Бесспорно, театр имеет большое воспитательное значение, так как способствует самоидентификации личности.

Полноценная индивидуальная свобода (от чего-то и для чего-то) возможна не вопреки, а только при условии солидарности (социальной свободы): «Свобода — это социальный институт, это не уединенная позиция на небе-

сах, а часть блага общего. Если я имею свободу, то имеет ее и мой сосед. Иначе говоря, она не результат моего уединения, а именно результат общественного договора. Свободу нужно противопоставлять произволу. <...> Воля — это ваш бег в пустом пространстве. Свобода — это ваше спокойное движение по Тверской или Невскому, когда вы уверены, что трамвай едет по рельсам, автомобили и рысаки держат правую сторону, а семиэтажные дома выстроены под наблюдением строительных законов и не обрушатся на вашу голову» [цит. по: 14]. Здесь необходимо уточнить понятие воли. Это связано с тем, что А. Макаренко, вероятно, не читал «Критику практического разума» Канта, согласно которой свободная воля понимается как а priori условие возможности рефлексивной свободы (нравственности), без чего мы не смогли бы противостоять ни одному чисто природному порыву. Макаренко в своем высказывании, очевидно, понимает под словом «воля» произвол, что не умаляет важности его высказывания для толкования понятия социальной свободы.

Феномен Макаренко в контексте развития общества

Феномен Макаренко стал возможным, как уже было показано в начале статьи, благодаря исключительности личности самого А. Макаренко. Что было бы, если на его месте оказался кто-то другой? А мы знаем из «Педагогической поэмы», что другие в его условиях работать просто отказывались. Своей будущей жене Галине Стахивне Салько (1892—1962) Антон Семенович писал о себе: «Я привык стоять на твердой позиции твердого человека, знающего себе цену, и цену своему делу, и цену каждой шавке, которая на это дело лает. Мне казалось, что в моей жизни заключена самая веселая, самая умная, самая общественно ценная философия настоящего человека... Я был глубоко убежден, что нашел самую совершенную форму внутренней свободы и внутренней силы, силы, при этом совершенно неуязвимой во всем великолепии своего внутреннего спокойствия...» [7]. После восьми лет работы в колонии он пишет Галине Стахивне в письме от 23 апреля 1928 г.: «...ей-Богу, ни один человек не знает, какой это исключительный трюк — один день „позаведывать“ колонией Горького» [15, с. 18].

Благодаря исследованию Гётца Хиллига стала известна история дружбы и любви А. С. Макаренко и детского режиссера-кинематографиста Маргариты Барской. Ее слова о А. С. Макаренко (написанные приблизительно в октябре 1938 г.) также выявляют грани его личности под необычным углом зрения: «Макаренко — настоящий подлинный мастер, крупнейший мастер. Писатель он очень талантливый, но педагог он просто гениальный. По-моему, у нас либо этого не понимают, либо он не попал в орбиту настоящего внимания, либо ему не вполне доверяют. А жаль. Макаренко настолько талантлив, что он может сделать *все*, что захочет. Например, скажу такую дикость — он мог бы воспитать ярых белогвардейцев, если б поставил бы себе это задачей, мог воспитать так же, как он воспитал настоящих большевиков. На эту воспитанную им молодежь Советская власть может положиться. Я знаю уже двух — Леву и этого „тяжелого бомбардировщика“, остальных легко представить. Вот это умение сделать, что хочешь, и есть настоящее мастерство.

Если б зависело от меня, я бы доверила ему все воспитание детей в школах, сначала в Москве, а потом, когда бы он наладил, и во всем Союзе. Он единственный человек, который поставил это дело так, как надо. Но для этого нужно, чтоб ему поверили настолько, чтоб хоть год не давали им „руководить“ всяким наркомпросовским крысам.

Макаренко — такой человек, которому надо оказать полное доверие, и он даст пышнейший цвет, оплатит тысячекратной пользой» [6, с. 731].

Заключение

Подведем итоги с позиции того, как соотносится деятельность А. С. Макаренко с идеей свободы в ее современном понимании. Очевидно, что деятельность Антона Семеновича Макаренко нисколько не противоречит последнему, а вполне могла бы найти обоснование своей легитимности в трудах современных исследователей. Это связано с тем, что А. Макаренко стремился к воспитанию по-настоящему нравственной и ответственной личности благодаря тому, что в возникших в его колониях коллективах была осуществлена социальная свобода. При этом каждый колонист ощущал себя будто «у себя дома» в своем коллективе, в смысле того, что вклад каждого(ой) в общее дело ценился, и каждый(ая) понимал(а), что именно в коллективе он(а) может развить свои лучшие качества и достигнуть цели — стать полноценным членом общества, строящего лучшее будущее. Совершалось настоящее перевоспитание: из «дефективных подростков» колонисты превращались в студентов сельскохозяйственных вузов и рабфака, а главное — становились хорошими людьми и гражданами своей страны.

Более того, личность, а также произведения А. С. Макаренко значимы вне времени и будут поучительны также для будущих поколений, потому что это был человек, обладающий мужеством самостоятельного мышления и воспитывающий самостоятельное, критическое и, что важно, диалектическое мышление. А воспитание в коллективе было не препятствием, а условием такого воспитания. По этому поводу другой видный педагог С. И. Гессен, фактически его ровесник, эмигрировавший на Запад, писал о различии социальной группы и духовной общности. Не сохранилось данных о том, был ли знаком Антон Семенович с произведениями С. И. Гессена, но его коллектив можно с полным правом назвать духовной общностью. Ведь, по С. Гессену, только в социальной группе с ее статичностью теряется индивидуальность, а в динамике духовной общности индивидуальность развивается и реализуется, обогащается в гегелевском смысле, переданным немецким глаголом *aufheben* (в трех его значениях одновременно: выявить сущность, сохранить все лучшее и преодолеть) [2]. В этом, с точки зрения автора статьи, и состоит секрет воспитания личности в коллективах воспитанников трудовых колоний им. М. Горького и Ф. Э. Дзержинского. И, конечно, этот секрет скрыт также и в личности ее руководителя.

Список источников

1. Makarenko in Deutschland. Beiträge zur vergleichenden Erziehungswissenschaft / hrsg. von Götz Hillig. Braunschweig : Georg Westermann Verlag, 1967. 536 s.
2. Воробьев Н. Е., Дьяченко С. А. Творчество А. С. Макаренко как объект изучения и аналитической оценки в немецкой педагогике : моногр. Луганск : Изд-во Луганского гос. пед. ин-та им. Т. Г. Шевченко, 1993. 206 с.
3. Фромм Э. Человек для себя. М. : АСТ, 2020. 320 с.
4. Keckeisen W. Kritische Erziehungswissenschaft // Theorien und Grundbegriffe der Erziehung und Bildung / hrsg. von Dieter Lenzen ; Klaus Mollenhauer. 2 Aufl. Bd. 1. Stuttgart : Klett-Cotta, 1992. S. 117—138.
5. Шачина А. Ю., Шачин С. В. Honneth A. Das Recht der Freiheit: Grundriss einer demokratischen Sittlichkeit. В.: Suhrkamp, 2011 // Кантовский сборник : научный журнал. 2012. 1 (39). С. 91—100. Отзыв на кн. : Хоннет А. Право свободы: Очерк демократической нравственности. Берлин : Suhrkamp, 2011. 628 с. URL: https://journals.kantiana.ru/kant_collection/606/1675/ (дата обращения: 02.10.2022).
6. Хиллиг Г. В поисках истинного Макаренко: русскоязычные публикации (1976—2014) / Полтав. нац. пед. ун-т им. В. Г. Короленко. Полтава : Издатель Шевченко Р. В., 2014. 778 с.
7. Макаренко А. С. Педагогическая поэма. Полная версия / сост., вступ. ст., примеч., коммент. С. С. Невской. М. : АСТ, 2018. 640 с.

8. Хиллиг Г. Колония им. М. Горького — творческая лаборатория Макаренко // Педагогика. 2003. № 8. С. 78—87.
9. Полтавская трудовая колония им. М. Горького. Полемика, документы, портреты (1920—1926) / сост. Гётц Хиллиг // *Opuscula Makarenkiana*. № 25. Marburg, Makarenko-Referat, 2003. 328 s.
10. Stenger U. Anton Semjonowitsch Makarenko: *Pedagogischeskaja poema* // *Hauptwerke der Pädagogik* / hrsg. von Winfried Böhm, Birgitta Fuchs, Sabine Seichter. Paderborn: Ferdinand Schöningh Verlag, 2011. S. 276—279.
11. Макаренко А. С. Книга для родителей. М. : Правда, 1985. 448 с.
12. Шиллер Ф. И. Х. Письма об эстетическом воспитании человечества // Шиллер И. Х. Ф. Сочинения: в 8 т. М. ; Л. : Гослитиздат, 1956. Т. 6. С. 251—358.
13. Макаренко А. С. Человек должен быть счастливым: избранные статьи о воспитании / сост., вступ. ст. В. Э. Черник. М. : Карпуз, 2009. 288 с.
14. Гриценко Л. И. Социальное воспитание и свобода личности в педагогике А. С. Макаренко // *Педагогика*. 2013. № 2. С. 97—102.
15. Макаренко А. С. «Ваша нежность — страшная сила». Письма не только о любви (Харьков, весна 1928 г.) / сост. Гётц Хиллиг // *Opuscula Makarenkiana*. № 17. Marburg, Makarenko-Referat, 1996. 64 s.
16. Гессен С. И. В защиту педагогики // Рериховская библиотека. URL: <https://roerich-lib.ru/gessen/6636-v-zashchitu-pedagogiki> (дата обращения: 02.10.2022).

References

1. Hillig von Götz (ed.). Makarenko in Deutschland. Beiträge zur vergleichenden Erziehungswissenschaft [Makarenko in Germany. Contribution to comparative education]. Braunschweig, Georg Westermann Verlag, 1967, 536 p.
2. Vorob'ev N.E., D'yachenko S.A. Tvorchestvo A.S. Makarenko kak ob'ekt izucheniya i analiticheskoi otsenki v nemetskoj pedagogike [A. S. Makarenko's creativity as an object of study and analytical evaluation in German pedagogy]. Lugansk, Publ. Luganskogo gos. ped. in-ta im. T.G.Shevchenko, 1993, 206 p.
3. Fromm E. Chelovek dlya sebya [A man for himself], Moscow, AST, 2020, 320 p.
4. Keckeisen W. Kritische Erziehungswissenschaft [Critical educational science], Lenzen von D. (ed.); Mollenhauer K. (ed.) *Theorien und Grundbegriffe der Erziehung und Bildung [Theories and basic concepts of education]*, ed. 2, vol. 1. Stuttgart, Klett-Cotta, 1992, pp. 117—138.
5. Shachina A.Yu., Shachin S.V. Honneth A. Das Recht der Freiheit: Grundriss einer demokratischen Sittlichkeit. B.: Suhrkamp, 2011 [Honneth A. The right of freedom: outline of a democratic morality. B.: Suhrkamp, 2011], *Kantovskii sbornik: nauchnyi zhurnal [Kant's collection : a scientific journal]*, 2012. no. 1 (39), pp. 91—100. Otzyv na kn. : Khonnet A. Pravo svobody: Ocherk demokraticeskoi pravstvennosti [Review of book : Honneth A. The Right of Freedom: an essay on democratic morality]. Berlin, Suhrkamp, 2011, 628 p. Available at: https://journals.kantiana.ru/kant_collection/606/1675/ (accessed: 02.10.2022).
6. Khillig G. V poiskakh istinnogo Makarenko: russkoyazychnye publikatsii (1976—2014) [In search of the true Makarenko: russian-language publications (1976—2014)]. Poltava, Publ. Shevchenko R.V., 2014, 778 p.
7. Makarenko A.S. *Pedagogicheskaya poema*. Polnaya versiya [A pedagogical poem. Full Version], S.S. Nevskaya (ed.). M., AST, 2018, 640 p.
8. Khillig G. Koloniya im. M. Gor'kogo — tvorcheskaya laboratoriya Makarenko [M. Gorky Colony - Makarenko's creative laboratory], *Pedagogika [Pedagogy]*, 2003, no. 8, pp. 78—87.
9. Khillig G. (ed.) *Poltavskaya trudovaya koloniya im. M. Gor'kogo. Polemika, dokumenty, portrety (1920—1926)* [Poltava labor colony named after M. Gorky. Polemics, documents, portraits (1920—1926)], *Opuscula Makarenkiana [Opuscula Makarenkiana]*, no. 25. Marburg, Makarenko-Referat, 2003, 328 p.
10. Stenger U. Anton Semjonowitsch Makarenko: *Pedagogischeskaja poema* [Anton Semyonovich Makarenko: Pedagogical poem], Böhm von W. (ed.), Fuchs B.(ed.), Seichter S.(ed.), *Hauptwerke der Pädagogik [Main works of pedagogy]*. Paderborn, Ferdinand Schöningh Publ., 2011, pp. 276—279.
11. Makarenko A.S. *Kniga dlya roditeli* [A book for parents]. Moscow, Pravda, 1985, 448 p.
12. Shiller F.I. Kh. Pis'ma ob esteticheskom vospitanii chelovechestva [Letters on the esthetic education of mankind], *Shiller I. Kh. F. Sochineniya [Works: in 8 vols.]*, v 8 vol. Moscow, Leningrad, Goslitizdat, 1956, vol. 6, pp. 251—358.
13. Makarenko A.S. Chelovek dolzhen byt' schastlivym: izbrannye stat'i o vospitanii [A man should be happy: selected articles on parenting], V.E. Chernik (ed.), Moscow, Karapuz, 2009, 288 p.

14. Gritsenko L.I. Sotsial'noe vospitanie i svoboda lichnosti v pedagogike A.S. Makarenko Social education and individual freedom in the pedagogy of A. S. Makarenko], *Pedagogika [Pedagogy]*, 2013, no. 2, pp. 97—102.
15. Makarenko A.S. «Vasha nezhnost' — strashnaya sila». Pis'ma ne tol'ko o lyubvi (Khar'kov, vesna 1928 g.) ["Your tenderness is a terrible power." Letters Not Only About Love (Kharkov, spring 1928)], Getts Khillig (ed.), *Opuscula Makarenkiana [Opuscula Makarenkiana]*, no. 17. Marburg, Makarenko-Referat, 1996, 64 p.
16. Gessen S.I. V zashchitu pedagogiki [In defense of pedagogy] // *Rerikhovskaya biblioteka [Rerikh library]*. Available at: <https://roerich-lib.ru/gessen/6636-v-zashchitu-pedagogiki> (accessed: 02.10.2022).

Информация об авторе

Шачина Анна Юрьевна — кандидат педагогических наук, независимый исследователь, Мурманск, Российская Федерация. E-mail: anna_shachina@mail.ru

Information about the author

Anna Yu. Shachina — Candidate of Pedagogical Sciences, Independent researcher, Murmansk, Russian Federation. E-mail: anna_shachina@mail.ru

Статья поступила в редакцию 22.12.2022; одобрена после рецензирования 15.01.2023; принята к публикации 15.01.2023.

The article was submitted 22.12.2022; approved after reviewing 15.01.2023; accepted for publication 15.01.2023.